

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

В.П. Руднев

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И ЛЖИ В НАРРАТИВНОЙ ОНТОЛОГИИ

Аннотация. Нарративная онтология является научно-философской концепцией, разрабатываемой автором статьи на протяжении многих лет. Суть её в том, что истина и ложь считаются в этой системе иллюзорными понятиями, и на их место становятся вопросы: «Что будет дальше?» и «Чем это кончится?». Тем не менее, проблема истины в нарративной онтологии звучит достаточно отчетливо: истина в вымышленном дискурсе, истина в повседневном высказывании, Истина с большой буквы, истина «со средней буквы». В статье вводится концепт «провал в истину», что означает такое положение вещей, при котором человек проваливается, как в колодец, в иллюзию истины и там застревает. Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нём впервые в мировой науке построена новая модель реальности на основе понятий нарративной логики и теории смысла. Технически эта модель использует ленту Мёбиуса, которая по представлениям автора концепции, движется одновременно в противоположные стороны – в сторону накопления информации («по жизни») и в сторону накопления энтропии (против жизни).

В настоящей статье используются методы философии обыденного языка, разработанные Э. Муром, Л. Витгенштейном, Дж. Остином и другими философами аналитического направления.

Основными выводами настоящего исследования являются следующие: 1. Понятия истины и лжи являются иллюзиями нашего сознания, находящегося в шорах якобы единственного мира, в то время как на самом деле мы существуем параллельных мирах; 2. Нарративная онтология считает, что основным её постулатом является постулат смысла на развертывающейся в противоположные стороны ленте Мёбиуса; 3. Проблема жизни против жизни заключается в том, что мы живём в противоположных направлениях времени – в направлении накопления энтропии и в направлении накопления информации.

Ключевые слова: истина, ложь, нарративная онтология, реальность, смысл, лента Мёбиуса, информация, энтропия, Бион, жизнь.

Review. Narrative ontology is the philosophical concept the author of the article has been developing for many years. The main idea is that truth and false are considered to be illusory and replaced with the questions 'What will happen?' and 'Where is all this going to?'. Nevertheless, the search for truth is also quite an obvious issue for narrative ontology and truth is viewed as the truth in a fictional discourse, the truth in an everyday expression, the Truth starting with the capital letter 'T', and the truth starting with the small letter 't'. In this research Rudnev also introduces his concept of the 'collapse into the truth' when a person falls into the illusion of the truth as if it were a well. The scientific novelty of the present research is caused by the fact that for the first time in the academic science Rudnev creates a new model of reality based on the ideas of narrative logic and the theory of meaning. Technically, this model is based on the mebius strip which the author thinks to be simultaneously moving in two opposite directions, i.e. towards accumulation of information ('along the life path') and accumulation of entropy ('against the life path'). In this research Rudnev has used the methods of everyday language philosophy developed by Moore, Wittgenstein, Austin and other analytical philosophers. The main conclusions of the present research are the following: 1. Truth and false are illusionary concepts created by our mind, in fact, we exist in the two parallel worlds of truth and false. 2. Narrative ontology is based on the main postulate that the meaning can be found on the mebius strip simultaneously unfolding in the opposite directions. 3. The problem of 'living against the life path' means that we live in the two opposite directions of time, towards accumulation of entropy and accumulation of information.

Key words: truth, false, narrative ontology, reality, sense, mobius strip, information, entropy, Bion, life.

Как внешнее стечение обстоятельств становится внутренним значением? У. Бион говорил применительно к таким случаям, что происходит трансформация в О [1]. О

означает у Биона некую высшую точку в реальности, вещь в себе, Истину. Что такое трансформация в О? Это когда ничем не примечательное событие становится самым главным в жизни человека и

определяет её смысл на всю жизнь [2]. **О** у Биона это высшая истина, нечто вроде того, что мы вслед за Юнгом называем Самостью и вслед за Морисом Николлом – Царствием Небесным в психологическом смысле [3]. Высший смысл человеческой жизни – это встреча с Христом. Как происходит встреча с Христом? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, как происходит трансформация в **О**, а для этого необходимо исследовать вопрос об истине.

Христос сказал: «Аз есмь путь истина и живот» (Иоанн, 14: 6). Когда Пилат задал Иисусу вопрос «Что есть истина?», Иисус ничего не ответил, потому что ответ был бы только один: «Я и есть истина». Морис Николл в книге «Новый человек» писал, что Иисус это Любовь, а Христос это Истина [4]. Как истина соотносится с Любовью? Достоевский писал, что, если бы ему предложили на выбор остаться с истиной или с Иисусом, он выбрал бы Иисуса. Так что есть истина? Почему у них вообще зашёл об этом разговор:

Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего (Иоанн, 18, 37).

В чём же состояла истина, о которой пришёл свидетельствовать Иисус? «Я – путь, истина и жизнь». Почему эти три слова в ответе Иисуса апостолу Фоме поставлены рядом? Путь это путь на Голгофу, путь к бессмертию, то есть к жизни. Но почему здесь истина? Потому, что когда Иисус говорил что-то, он знал о предстоящей ему смерти. Как Сын Человеческий Он не мог сомневаться, что воскреснет, но как человек, сын Марии и пасынок Иосифа, Он не мог не сомневаться. Как Он мог сомневаться? Но Он же был человеком, и ничто человеческое ему было не чуждо. Он любил вино и еду, правда, почти не спал. Но Он не спал именно потому, что был человеком в гурджиевском смысле, а не спящей машиной, «работающей в сломанном режиме» (Делёз-Гваттари), как большинство из нас. Именно человеческое в Иисусе заставляет так остро поставить вопрос об истине. Почему? Потому что обычный человек не знает, что такое истина. Он думает, что может отличить истинное от ложного, но он заблуждается. «Истина есть организующая форма человеческого опыта». Такое определение дал А.А. Богданов, один из первых философов-прагматистов. Что следует из такого понимания истины? То, что, в сущности, её нет. Истинно то, что полезно считать истинным (прагматизм). А русский народ говорит: «Всё полезно, что в

рот полезло». Значит, истина это всё, что угодно. Но важно *не отравиться* истиной, когда отправляешь её в рот. Обычно люди считают, что они отравляются ложью. Но это не так. Отравляются истиной, убивает истина. Морис Друри, ученик Витгенштейна, в 1972 г. издал книгу «Опасность слов». В ней он изложил свой опыт психиатра. Он стал психиатром по совету Витгенштейна, который, как и всем своим ученикам, рекомендовал ему уйти из философии. В чем же опасность слов? Был такой советский поэт Вадим Шефнер, который написал строки:

*Словом можно убить. Словом можно спасти.
Словом можно полки за собой повести.*

Конечно, не словом, а предложением, или, скорее, даже речевым актом. Слово само по себе безопасно, так как слово не существует вне предложения. Это предложения и речевые акты убивают. «Я сейчас тебя убью!» Нет, не таким речевым актом. Это просто театральная жест. А как? – Смотри, вон твоя смерть! Где-где? – Да вон там, видишь, стоит с косою. И человек видит свою смерть и умирает. Истина есть организующая форма человеческого опыта. Как истина организует опыт? Кто организует наш опыт? Вожди. Что делают вожди? Они посылают нас на смерть. Истина это организующая форма человеческой смерти.

Как связан вопрос об истине с принципом предопределённости и с жизнью против жизни в параллельных мирах? Семантика возможных миров постулировала модельную тройку, маркированный член которой назывался действительным миром. Я думаю, Хинтиikka и Крипке не до конца поняли Лейбница, во всяком случае, не так, как его понял Делёз. Я имею в виду его «Лекции о Лейбнице». Что же понял Делёз у Лейбница, чего не захотели понять его (Делёза) современники, аналитические философы? Делёз понял следующее: *все* миры – действительные. Лейбниц обосновал путем хитрых доказательств, что все миры действительные. Лейбниц считал, что Бог создал лучший из миров. В чем его лучшест? В том, что его можно повернуть так, а можно этак. Все миры *совозможны*, кроме тех которые Хинтиikka назвал «невозможными возможными мирами». Истина – это истина во всех действительных совозможных мирах. В этом смысле лжи вообще не существует. Как может существовать ложь, если все миры – действительные. То, что является ложью в одном мире, является истиной в другом параллельном мире. Здесь возникает особая проблема, связанная с принципом предопределённости. Она заключается в том, что *всё-сразу-истина* возможна только

тогда, когда мы смотрим на мир или миры, так сказать, с высоты птичьего полета. Когда мы смотрим на них так, как на них смотрит Бог. И тогда всё истинно. И нет места лжи. Потому что ложь есть лишь порождение нашего сознания, мы лжём лишь потому, что наше сознание лжёт. Бессознательное не может лгать и обманывать. В нём просто для этого нет места. Фрейд утверждал, что бессознательное никогда не говорит «нет». Да – соответствует истинности, нет – соответствует ложности. – Ты сегодня обедал? – Нет. – А вот и неправда, обедал. И действительно, он пообедал на работе. Как она догадалась, что он пообедал? Она заглянула в его параллельный мир и «увидела», как он обедает. Жизнь против жизни – это «жизнь не по лжи». Когда человек живёт против жизни, накапливая духовный опыт, то всё вокруг озаряется светом истины. «Я видел истину!», – восклицал герой рассказа Достоевского «Сон смешного человека». Как можно увидеть истину? Ведь истина это просто один из двух денотатов предложения по Фреге. Увидеть истину можно только в мистическом озарении, когда противопоставление истинного и ложного элиминируется. Почему оно элиминируется? Потому что природа истины такова, что её нельзя увидеть простыми глазами. Что значит «простыми глазами»? Это значит такими глазами, которыми мы обычно смотрим на мир. Мы видим стол, зеркало, лампу, телевизор, компьютер, видеомагнитофон. Мы видим странные переходные объекты. Что такое странные переходные объекты? Это такие объекты, которые на нас воздействуют (в этом их странность по Биону) и такие объекты, которые являются медиаторами между нашим телом и реальностью (в этом их переходность по Винникоту). Когда объект является одновременно странным и переходным, он создаёт иллюзию истины. Вот я смотрю телевизор, он воздействует на меня, поэтому он является странным объектом. И он является медиатором между мной и реальностью, поэтому он является переходным объектом. Телевизор – это странный переходный объект, переполненный ложью. Я даже не имею в виду пропаганду лжи по ТВ. Я говорю о другом. Допустим, я смотрю прекрасный художественный фильм по ТВ, например, «Зеркало». В нём всё истина и всё иллюзия истины. Потому что коллаж документальных и игровых кадров и эпизодов создаёт особый эффект, который порождает видимость истины там, где её нет и не может быть. Мы видим, как мальчик Игнат читает письмо Пушкина Чаадаеву, подключаясь к коллективному бессознательному. Но истины здесь никакой нет. Это иллюзия, **провал в истину**. Что значит, провал в истину? Когда Вера Павловна в романе Чернышевского «Что

делать?» видела свой первый сон, она как бы провалилась в провал истины своего бессознательного, где были какие-то увечные старухи, которых она выводила на свет Божий. Почему мы это называем провалом в истину? Поговорим об этом в следующем параграфе.

Провал в истину это такое положение вещей, когда человек говорит: «Я всё знаю!». Он проваливается в «истину», как в глубокий сукцессивный колодец, откуда его можно поднять только путем симультанных приспособлений. Что это за симультанные приспособления? Ну как человека вытаскивают из колодца? Ему протягивают веревку. В фильме Хичкока «Веревка» два молодых человека решили убить третьего. Они его задушили веревкой, а труп положили в стол гостиной и завалили книгами. Собрались гости. Они не подозревали, куда делся убитый, который тоже должен был прийти, пока один самый умный гость не догадался, что дело в верёвке. Кажется, что верёвка сукцессивна, и она действительно сукцессивна, и при помощи верёвки невозможно вытащить человека, провалившегося в истину, из колодца. Его вообще невозможно оттуда вытащить. Сидя в колодце сукцессивной истины, человек воображает параллельные миры: вот его вытащили, вот он видит свою жену, вот он читает любимые книги. Это и есть симультанные приспособления. Как же человеку выбраться из провала в истину? Надо перестать думать, что он всё знает. Ничего он не знает. Мы вообще ничего не знаем. Такую позицию можно назвать гиперрагностицизмом. Будем считать, что реальность в традиционном понимании этого слова есть совокупность интенционалов всех истинных пропозиций типа витгенштейновского «Дело обстоит так-то и так-то». Тогда можно считать фрагментами реальности значение (интенционал) пропозиции «Камень лежит на дороге» «Я иду по улице», «Алексей Герман снял фильм «Хрусталив, машину!»» и т.д. в том случае, когда они истинны. Но при таком понимании реальности сразу возникает много проблем. Что, в сущности, означает, что данные пропозиции истинны? Это значит, что они соответствуют реальности, то есть, как мы определили, своему интенционалу. Другими словами, получается, что интенционал пропозиции существует в реальности, то есть камень лежит на дороге и т.д. тогда и только тогда, когда это «соответствует реальности», то есть тому факту, когда камень действительно лежит на дороге. Нелепость этого определения очевидна. Вторая трудность, связанная с первой, состоит в том, что мы говорим о реальности как об интенционале пропозиции, то есть как о её смысле (во фрегевском понимании этого

слова), а не как об экстенционале, так как по Фреге экстенционалом (денотатом) пропозиции является не реальность, а истинность (или ложность). Получается, что реальность, это нечто интенциональное, то есть нечто такое, применительно к чему не работают понятия истинного и ложного. То есть получается, что реальность ни истинна, ни ложна, то есть ни соответствует, ни не соответствует... реальности. И наш пропозиция «Камень лежит на дороге» ни истинна, ни ложна. Как это понять? Мы хотим этой пропозицией сказать «Истинно, что камень лежит на дороге». То есть тем самым на уровне логического анализа переводим содержание этой и любой другой пропозиции в косвенный контекст, лишённый, по Фреге, значений истинности. То есть фактически мы говорим «Истинно, что пропозиция «Камень лежит на дороге» не является ни истинной, ни ложной». То есть либо реальность это что-то другое, чем тот факт, что камень лежит на дороге, либо она является этим фактом, но не верифицируема, не является ни истинной, ни ложной. Но если реальность ни истинна, ни ложна, то это полностью разрушает нашу онтологию, потому что тогда понятия истинного и ложного становятся бессмысленными и вообще не существуют, потому что истинное и ложное в принципе необходимо лишь для описания реальности и ни для чего больше. Попробуем разобраться в этом парадоксе не логическим путём, а с точки зрения философии обыденного языка. Когда, при каких обстоятельствах кто-то может сказать или констатировать: «Камень лежит на дороге»? Допустим, два приятеля едут в поезде, и один из них смотрит в окно и говорит другому: «Камень лежит на дороге». Другой ему отвечает: «Ну и что здесь такого? лежит и лежит». Возьмем другой пример. Два приятеля едут в машине, и тот, кто ведёт машину, говорит другому, сидящему с ним рядом: «Камень лежит на дороге». Тогда другой ему отвечает: «А мы можем его объехать?». Первый пример неудачен именно тем, что он демонстрирует бессмысленность истины. Ну лежит камень на дороге и ладно. Зачем об этом говорить! Второй пример интересен тем, что истина там понимается в прагматическом смысле. Камень лежит на дороге, он является препятствием, и его необходимо объехать. Зачем вообще пассажир в первом примере сказал другому про камень, лежащий на дороге, непонятно. Но просто так, ни за чем, ничего не говорят. Если он сказал, значит, ему это было зачем-то нужно. Но вопрос состоит в том, хотел ли он словами «камень лежит на дороге» сказать: «Истинно, что камень лежит на дороге»? Нет, потому что это бессмысленно. Он мог иметь в виду: «Какой необычный камень лежит на дороге!». Тог-

да бы имело смысл привлечение внимания соседа. Но это не означало бы: «Истинно, что необычный камень лежит на дороге», но скорее означало бы: «Смотри, какой необычный камень лежит на дороге!», то есть опять имел бы место перевод пропозиции в косвенный контекст. В сущности, если верна перформативная гипотеза, прямых контекстов вообще не существует. Когда мы говорим: «Истинно, что А», – мы подразумеваем: «Я утверждаю, что истинно, что А», и тем самым «истинно» переводится в косвенный контекст. Но и в этом случае «Я утверждаю» не верифицируемо, так как предполагает оператор «Истинно, что я утверждаю», и так до бесконечности. Таким образом, получается, что реальность не живёт в пространстве истинного и ложного и что, более того, понятия истинного и ложного вообще неизвестно для чего нужны, если они ничего не описывают. Как же тогда мы ориентируемся в реальности, если ничего истинного или ложного не существует? Мне дело представляется примерно таким образом. У нас есть то, что мы называем нашей психикой, которая каким-то образом выработало нечто, что мы называем реальностью для того, чтобы как-то ориентироваться в мире вещей и фактов. В первобытные времена это было невозможно, потому что психика была по-другому устроена, в частности, не могла оперировать понятиями истинного и ложного и не могла порождать правильные с нашей точки зрения пропозиции, описывающие то, что мы называем реальностью. По реконструкции антропологов и лингвистов там был инкорпорирующий строй. Не «Охотник убил оленя», а нечто вроде «охотничко-олене-убивание» (пример А.Ф. Лосева) и вопрос о соотношении высказывания и реальности не возникал, потому что высказывание и было реальностью. Человек не различал внутреннее и внешнее, я и не-я, субъект и объект. Когда же он стал всё это различать, появилось современное высказывание в номинативном строе, а вместе с ним и понятие реальности, которую оно было призвано описывать. То есть понимание того, что такое реальность, во-первых, исторически очень позднее явление, а, во-вторых, очень условное, искусственное и фальшивое.

– Что до меня касается, то я убеждён только в одном... – сказал доктор.

– В чём это? – спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

– В том, – отвечал он, – что рано или поздно в одно прекрасное утро я умру.

– Я богаче вас, сказал я, – у меня, кроме этого, есть ещё убеждение – именно то, что я в один прекрасный вечер имел несчастье родиться.

Но на самом деле мы ничего не знаем о смерти. **Мы вообще ничего не знаем.** С этой формой агностицизма, которую можно назвать *гипер*агностицизмом, мы будем сегодня работать. Прежде всего, это утверждение ведёт к парадоксу. В соответствии с универсальным эпистемическим парадоксом, если я говорю «Мы ничего не знаем», то тем самым мы не знаем значений всех высказываний (всех языков), а стало быть, также не знаем значения высказывания «Мы это знаем», что противоречиво. На самом деле противоречие мнимое. Если «реальность», как мы показали выше, не есть значение высказывания (а лишь его интенционал), то предложение «Я знаю это» (как и любое другое) лишается значений истинности, то есть является бессмысленным. А в этом случае о знании говорить вообще не приходится. Знание такая же искусственная вещь, как и истина. Но знание – модальность, а модальность тем отличается от пропозициональности, то есть той формы говорения, которая (якобы) оперирует понятиями истины и лжи) своей нетотальностью, поэтому с ней можно работать. Моя позиция по отношению к реальности отличалась от всех других философских позиций следующим. Все, кто обсуждал проблему реальности в плане того, что видимой реальности не существует, писали примерно так. «Мы не знаем, что такое подлинная реальность. Реальность – это не то, что мы видим, слышим и т.д., но она в принципе есть». Это позиция буддизма, Платона, Канта и их последователей вплоть до Ф. Брэдли а также раннего П.Д. Успенского. Примерно той же позиции придерживался я в книге «Введение в шизореальность». В «Новой модели шизофрении» я утверждал, что нет никакой реальности вообще, что за видимой «реальностью» не стоит никакой подлинной реальности. Это позиция, близкая «нигилистической» Парменида. Развивая это учение, мы ввели понятие галлюцинирующей галлюцинации, где галлюцинант является сам галлюцинацией (а сновидящий сам является сновидением). Но такая позиция понятна на уровне терминальной мегаломании или наоборот «первичного нарциссизма» то есть конца и начала «болезни»-жизни. А как эту идею понять, скажем, на уровне бреда воздействия? На меня галлюцинантно воздействует странный объект. Что он такое? Моя проекция (экстраекция)? Но откуда она взялась, если я сам не существую, если я сам являюсь галлюцинацией и если вообще по большому счёту нет ничего? Это пока непонятно.

Моя нынешняя позиция – позиция гиперагностицизма – заключается не в отрицании реальности, а в том, что мы ничего не знаем в том числе, мы не знаем, есть ли реальность или нет (и вполне

может оказаться, что она есть). Можно обосновать, что мы действительно ничего не знаем наверняка. Можно даже оспорить тезис позднего Витгенштейна («О достоверности»), что абсолютно достоверным знанием является моё знание о том, что меня зовут Вадим Руднев. Я хочу подчеркнуть, что отличительной особенностью всех философских направлений было, что они либо вообще не принимали в расчёт данные психопатологии, либо оставляли ей неподобающе скромное место. Здесь перелом был совершен (даже не Фрейдом) Лаканом с его тезисом, что норма есть лишь хорошо компенсированный психоз, или в нашей формулировке, что безумие более фундаментально, чем норма. Итак, если безумие более фундаментально и даже первично (достаточно вспомнить о параноидно-шизоидной позиции Мелани Кляйн), если ребёнок первоначально мегаломан, как отмечал уже Блейлер в «Аутистическом мышлении», то тогда эта младенческая или старческая (при прогрессивном параличе, шизофреническом бреде величия или альцгеймере) галлюцинирующая галлюцинация может не разделять мнения, что «Меня зовут Вадим Руднев». Известно также, что при лёгкой шизофренической деперсонализации человек порой сомневается в том, что он тот, кто он есть, а не кто-то другой неизвестно кто. В этом случае ему приходится убеждать себя, что он именно он. Здесь полезным бывает психотепрепевтический совет повторить несколько раз вслух своё имя и фамилию.

Можно ли сказать, что эти примеры маргинальны, что в подавляющем большинстве случаев человек знает, как его зовут? Как вас зовут? – Макс Отто фон Штирлиц. Это ни истина, ни ложь, просто в другой «реальности» его зовут М.М. Исаев. В определённом смысле это два разных человека или же две социально диссоциированных субличности. А ещё менее маргинальный пример? Допустим, я не сомневаюсь, что меня зовут Вадим Руднев и что я профессор, что в молодости я учился у Ю.М. Лотмана и т.д. Не напоминает ли это что-то знакомое?

Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает. Он знает, что в молодости он стал жертвой преступных гипнотизеров, лечился после этого и вылезился.

В принципе сюда надо ещё третьим добавить Иисуса Христа. «Мы все одержимы Господом», сказал Ван Хельсинг в фильме «Дракула» Копполы. Кстати, оценил ли кто-нибудь замечательную кощунственную амбивалентность этой фразы? Иисус инкорпорируется в тело гонителей вампиров

(= бесов) подобно тому, как Иисус инкорпорировал бесов в свиней. Внутреннее и внешнее меняются местами. Я думаю, инкорпорация (= интроекция) – это чрезвычайно архаическое тотемное представление, которое лежит в основе обряда Евхаристии, заповеданной Иисусом на Тайной Вечери.

И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Моё. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из неё всё. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая. (Марк, 14: 22-24).

Я думаю, что если придерживаться эзотерической версии Нового Завета, то кровь – это, безусловно, Истина (Христос) и плоть – это, скорее всего, Любовь (Иисус). Но, конечно, понимаемая буквально евхаристия – это рецепция ритуала жертвенного поедания тотема (рассуждение в духе наивных мифологистов и Михаила Александровича Берлиоза). С другой стороны, инкорпорация-интроекция – это универсальный механизм защиты при депрессивном психозе и бреде воздействия при шизофрении. Стоит подумать об этом в связи с теми случаями, когда в больных людей вселяются другие люди или демоны при бреде воздействия. Но это, как любила говорить О.М. Фрейденберг, только кстати. Христос – символ Самости и индивидуации. «Одержим Господом» я стал в сентябре 2011 г., когда писал книгу про Иисуса Христа. В сущности, для меня Иисус (в данном случае именно Иисус как олицетворение Любви, а не Христос как олицетворении Истины которую мы (возможно, временно) отвергли), Людвиг ван Бетховен и Людвиг фон Витгенштейн это не просто субличности, а некие варианты одного Героя, одной самости. Кстати, и Витгенштейна и Бетховена сравнивали с Христом Я хочу подчеркнуть, что для нас важно оставаться на позиции философии обыденного языка и не вдаваться по возможности в мистику и особенно в магию. Но такие слова, как карма и перевоплощение могут быть «терминами» философии обыденного языка, как я показал, например, в книге «Новая модель бессознательного», где Фреге представлен как кармическая ипостась Витгенштейна. (Надо только при этом сохранять чувство юмора, и тогда «мистика» не уведёт в шарлатанство.) Здесь уместно поговорить о законе Матте Бланко, в соответствии с которым на уровне бессознательного все равно всему. Игнацио Матте Бланко – чилийский психоналитик, в конце 1970-х гг. написавший книгу «Бессознательное как бесконечные множества», основной тезис которой состоит в том, что в бессоз-

нательном господствует «симметричная логика», в соответствии с которой $a = \text{не } a$ и равно b и равно c и равно x , y и z . Я подробно пишу о Матте Бланко и его взглядах, развивая их, в книге «Новая модель времени». Бессознательное в определённом смысле – эквивалент мифологического «сознания», где по «закону А.Ф. Лосева» также всё равно всему. Так в сновидении человек может одновременно быть и Христом, и Бетховеном, и Витгенштейном и круглым квадратом.

Как всё это можно интерпретировать в свете «Новой модели бессознательного»?

Бессознательное может быть построено как система зеркал, отражающих друг друга. ...И если другой человек, другое бессознательное – это малое зеркало, которое мы держим в руках, то наше собственное бессознательное, большое зеркало, в этой модели вообще не может существовать без малого зеркала.

Ю.М. Лотман когда-то высказал гипотезу, что правое и левое полушарие человеческого мозга это система зеркал, отражающих друг друга. Я полагаю, что в бессознательном тоже «имеются» два «полушария» и «межкомиссурные» связи между ними. В одном хранится в свёрнутом виде полезная информация, накопленная веками и тысячелетиями, в другом («малом зеркале») накапливается информационный «кармический» мусор. ... Причём этот мусор, по моему мнению, идёт не только из актуальной жизни, из деонтических отцовских запретов и норм, то есть из фрейдовского Суперэго, но и из других жизней, из «культуры» (отсюда и другое лотмановское понимание культуры как системы норм и запретов).

Большое зеркало мы в определённом смысле отождествляли с юнговским коллективным бессознательным, которое, вероятно, и можно назвать «сокровищницей позитивных смыслов», а малое зеркало нарекли чем-то вроде отбраковки плохих вытесненных «фрейдовских» содержаний.

Любая мысль, любой поступок человека отражается в малом зеркале индивидуального бессознательного, напротив которого находится большое зеркало коллективного бессознательного, и эти зеркала отражаются друг в друге. Человек всё время глядит в большое зеркало своего контейнера и хочет поместить в него себя, в каком-то смысле полностью обустроиться в нём, заново вернуться в него, как в теории травмы рождении Отто Ранка. Но контейнер не даёт ему этого сделать, потому что, если он даст ему это сделать, то человек может окончательно превратиться в шизофреника, чего контейнер не хочет. Поэтому происходит обратное движение от контейнера в контейнируемое [7].

Но почему в своём большом зеркале я вижу именно Иисуса, Витгенштейна и Бетховена, а не Будду, Баха и Бертрانا Рассела? И почему, если «мы ничего не знаем» в свете доктрины гиперагностицизма, то откуда я знаю, что Витгенштейн, это именно Витгенштейн, а не Бертран Рассел? Но в том-то и дело, что слово «знать» здесь не уместно. Нельзя сказать «Я знаю, что Витгенштейн моя главная субличность». Этого нельзя знать, но в этом можно быть уверенным. С другой стороны, нельзя сказать «Я уверен, что Витгенштейн жил в XX веке». Это можно только «знать». Пока человек «нормален», его архетипы будут в нем интроецированы, но если он сойдёт с ума, то есть будет затоплен бессознательными архетипами, по выражению Юнга, тогда они экстраецируются. Так если подобно Ницше я сойду с ума, то наверно я буду повторять «Я – Иисус», «Я – Бетховен», «Я – Витгенштейн» В определённом смысле можно сказать, что эти архетипы, или субличности, которых бесконечное множество, поскольку бессознательное – это система бесконечных множеств, суть те малые «я», о которых говорили Гурджиев и Успенский. И в этом смысле как носитель бесконечных множеств бессознательных архетипов каждый человек бессмертен.

Это проблематика рассказа «В чаше» Акутагавы, который я много раз анализировал, но мне не приходило в голову гиперагностическая интерпретация. А был ли вообще этот самурай с женой, этот разбойник и т.д.? В «Новой модели шизофрении» я говорил, что этого ничего не существует. В духе гиперагностицизма я могу сказать только, что знать что-то точно невозможно. Но я ведь с и жу на стуле и *набираю* на компьютере. Но почему, когда мы философствуем, мы традиционно забываем о фундаментальности психопатологии? Декарт в «Медитациях» сомневался в том, спит он или бодрствует. Сомневаюсь ли я, то есть имею ли я, так сказать, метафизическое право сомневаться в том, сижу ли я на стуле. Почему же, чёрт возьми, я на самом деле не сомневаюсь, что я сижу на стуле! Какое право я имею не сомневаться в этом! Философ ли я или тварь дрожащая? Хорошо, я оглянулся вокруг себя и обнаружил, что сижу не на стуле, а в компьютерном кресле. Но это уловка. Хорошо, я беру карандаш и говорю себе: я сейчас только что взял карандаш. Можно ли в этом сомневаться? Можно. Хотя бы потому, что я его взял «понарошку», чтобы доказать себе, что я его не брал. Так можно деконструировать каждый фрагмент реальности. Таким образом, дело не в том, существовал ли Лотман с его усами и коричневым замшевым пиджаком или не существовал. Важно наше метафизическое

право в этом сомневаться наша потребность в мифообразовании. Когда Фрейд придумывал Эдипов комплекс, он написал в «Тотеме и табу» знаменитую скандальную фразу о том, что в первобытной орде сыновья съели отца. Ну хорошо, а Хайдеггер писал, что, да, действительно Бог умер, и это мы убили его. Неужели Фрейд и Хайдеггер были идиоты? Нет. А вот Ницше был идиот. Я имею в виду анекдот о том, как к нему подошла дама и говорит, что вот, г-н Ницше, вы писали «Ты идёшь к женщине – возьми с собой плётку», как это понимать? Ницше смутился и промямлил, что, мол, это была метафора. Ну, как сказать, и метафора, и не метафора. Я бы на месте Ницше дал бы этой даме в зубы, чтобы не задавала глупых вопросов. Слово «идиот» я употребляю так, как его употребляли Делёз и Гваттари в книге «Что такое философия?». Всякий философ в этом смысле должен быть идиотом, своим собственным концептуальным персонажем. Вот, например, Лотман. Лотман – это не только миф и тотем, который умер, потому что мы съели и убили, но и архетип. Когда человек говорит «Я всё знаю», он впадает в универсальный эпистемический парадокс. Что значит я всё знаю? Это означает, что я знаю значение всех предложений. Тем самым я знаю значение предложения «Я этого не знаю». Следовательно, я не в сё знаю. Но люди очень любят проваливаться в истину.

*А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Кто скажет: «Идите, люди, за мной,
Я вас научу, как надо!»...*

(Александр Галич)

Никто не знает, как надо, и никогда не узнает. Мы можем только ходить по краю Истины, истины с большой буквы, которую Бюн назвал **О** и которая в *принципе* непознаваема, потому что она является вещью в себе, ноуменом. Мы можем знать только феномены. Вот это стул, на нём сидят, вот это стол, за ним едят. Грош цена таким истинам. Почему же люди так любят провал в истину? Потому что так легче жить. Провал в истину – это синоним жизни по жизни. Трансформация в **О** – это синоним жизни против жизни. Человек, который провалился в истину, никогда не поймет принципа предопределённости. Сидя в колодеце, он будет, он будет не в состоянии «осознать», что все миры действительны. Для него действителен только тот мир, в котором он попал в колодец да ещё, может быть, к тому же и словам ногу. Других миров просто для него не существует. Но когда его вытащат, он полегит в больнице ногой вверх, он, может быть, и поймёт,

что есть другие миры. Но люди всё равно стараются укрепить свой истинностный провал, «чтобы он не слишком проваливался», как говорил Остап Бендер в «Двенадцати стульях». Люди не умеют сомневаться. Достоевский сомневался, с кем ему оставаться, с Истиной или с Иисусом, и наконец выбрал Иисуса. Но в определённом смысле Христос – вне истины. Он вне провала в истину. Да, он всё время твердил «истинно-истинно говорю», что он Сын Божий. Но он это говорил для народа. Для избранных, а первым избранным был, по всей видимости, апостол Павел, очень хитрый, и, по моему, неискренний человек, который понимал, как мне кажется, что Христос – это просто Великий Учитель, а не какой не Сын Божий (мы все дети Божьи). Ведь именно ему христианство заняло такую всемирную позицию: «Несть эллин, и несть иудей» – это его слова. А что ему ещё оставалось делать. Но я хочу подчеркнуть, что двенадцать ловцов человеков, простых рыбаков, конечно, находились, относились по отношению к Христу в состоянии провала в истину. «Симон Ионин, любишь ли ты Меня? <...> Паси овец Моих» (Иоанн, гл. 21 ст. 15). Как они ссорились из-за того, где кто будет сидеть возле Иисуса, когда Он воскреснет. Мать Божья была поумнее, осадила их. Но она тоже каноническая святая. А святой, *подлинный* святой, он всегда находился в сомнении, не относительно того, есть Бог или нет. Здесь у него сомнений не было, так как у него произошла трансформация в **О**. Он сомневался в истине с маленькой буквы, он не хотел в неё проваливаться. Поэтому его всегда искушал дьявол. Потому что истина с маленькой буквы и ложь это одно и то же. Об этом пронизательно говорил Мераб Мамардашвили: «я же сказал, что слова у лжи и истины одинаковые одни и те же» [5].

Тот факт, что истина с маленькой буквы и ложь порой неразличимы, вовсе не означает, что надо все время врать. «Истина где-то рядом» – девиз сериала «X – files» про специальных агентов Фокса Малдера и Дану Скалли. Они ищут истину «со средней буквы». Это истина Среднего пути буддизма махаяны. Средний, или восьмеричный путь предполагал восемь правильных поступков. Руководствуясь которыми, человек мог в конце концов попасть в нирвану, то есть избежать перерождений, колеса Сансары. Почему так важно избежать колеса Сансары? Потому что это колесо истины и лжи. Истина со средней буквы это такая истина, которую ищут люди, живущие жизнью против жизни в широком смысле. Малдер и Скалли не практиковали Работы в духе Четвертого пути, но влияния С их всё-таки немного касались. Они были связаны с космосом, с *духовным* космосом. Что значит, что ис-

тина где-то рядом? Это значит, что Малдер и Скалли любили друг друга, но не признавались себе в этом. Вместо этого они искали истину со средней буквы. Так вот о буддизме. Если человек правильно говорит, правильно думает, ведёт правильный образ жизни, правильно ест, правильно испражняется – это уже дзен-буддизм, – то у него будет чистая карма. А что значит делать всё правильно? Это значит в том числе не врать и не злословить, потому что это хула на Святого Духа. Враньё разрушает принцип предопределённости. Враньё разрушает космос. Это понимал Кант, который в полемике с Бенжаменом Констаном настаивал, что если у тебя дома находится человек, которого разыскивает полиция, то когда в дом врывается полиция в поисках этого человека, то солгать, что его здесь нет и тем самым, возможно, спасти его, с метафизической точки зрения очень плохо, потому что это приведёт к умножению лжи в космосе. Вот какой был жёсткий старик этот Иммануил Кант. Я вспоминаю также ужасный фильм (ужасный в смысле высказывающий ужасную истину) Золтана Фабри «Пятая печать». Эсесовцы схватили нескольких случайных ни в чём не повинных людей и заставили их давать пощечину повешенному фактически на кресте окровавленному партизану, обещая в этом случае отпустить их. Никто, кроме главного героя, не выдержал этого невыносимого испытания – дать пощечину Христу. Главный герой сделал это, и его отпустили. Он сделал это потому, что в его доме были спрятаны еврейские дети, и он не мог рисковать своей жизнью. Так вот к вопросу о вранье. Жизнь против жизни в узком смысле, конечно, исключает враньё, но она не исключает хитрости и обмана. В воспоминаниях о Гурджиеве часто читаешь о том, как он притворялся, хитрил и обманывал простодушных собеседников. Существует такое выражение – *pious fraud* – ложь во спасение. Никого, конечно, спасти с помощью лжи невозможно, спасти в евангельском смысле. В Евангелиях всё время говорится о Спасении, Спасении с большой буквы. Что такое Спасение с точки зрения эзотерического христианства? Это значит при помощи метаноии («покаяния») достичь Царствия Небесного. Царствие Небесное и ложь несовместимы. Что такое Царствие Небесное? Это высшее духовное состояние человека, это его полное бессознательное, которое, в сущности, как мы уже писал, есть Бог. Может ли Бог лгать? Вопрос этот звучит кощунственно. Тем не менее Бог *может* лгать по той простой причине, что он может *всё*. А раз Он может всё, стало быть, Он может и лгать, но в модальном смысле, то есть он *в состоянии* это делать. Но, конечно, Бог никогда не лжёт. Бог про-

сто не понимает, что такое ложь. Ведь Он сотворил Себя из Себя Самого, «ужавшись» для этого в своём бесконечном Божественном пространстве. В каббалистической мистике существует такое понятие. Бог «подвинулся», чтобы освободить место для истины. Иначе никакой истины не было бы. Иначе и нас не было бы, потому что, если бы не *цимцум*, то Бог так и пребывал бы в Одиночестве. Но Бог не может пребывать в одиночестве, ему нужны люди для того, чтобы продолжить Творение с их помощью. Во всяком случае, так считает философская антропология. Бердяев, например. А чему учит нарративная онтология? Она считает, что истина и ложь – ненужные и вредные понятия.

Как связана нарративная онтология с принципом предопределённости и жизнью против жизни в параллельных мирах. Нарративная онтология разработана нами в книге «Новая модель реальности». Основной её постулат заключается в том, что истина и ложь не играют в реальности никакой роли, потому что они иллюзорны. Как мы это обосновываем? С помощью перформативной гипотезы, в соответствии с которой всякое высказывание есть скрытый перформатив, то есть не имеет логической валентности (по терминологии Р. Карнапа), или истинностного значения (по терминологии Г. Фреге). Что из этого следует? Из этого следует, что истина и ложь суть ярлыки, которые мы навешиваем на реальность для того, чтобы нам легче жилось. Что касается принципа предопределённости, то с ним всё сложнее. Поскольку все миры действительны (Лейбниц в интерпретации Делёза), значит они все истинны. Но это тоже иллюзия. Что такое *действительный мир*? Это лишь фантом нашего сознания (Менский). Существует множество действительных миров (Лейбниц в нашей интерпретации). А что значит *множество действительных миров*? Это значит, что Бог создал коллективное бессознательное и при помощи *цимцума* привязал его к индивидуальному бессознательному каждого человека. В результате образовалось полное бессознательное, которое не знает ни истины, ни лжи. Что касается жизни против жизни в параллельных мирах, то, как мы уже писали выше, в новой модели реальности (нарративной онтологии), технически построенной нами как движущаяся в противоположные стороны Ленты Мёбиуса, это противоположное движение: в сторону увеличения энтропии и в сторону уве-

личения информации – и есть модель движения жизни по жизни и жизни против жизни в параллельных мирах. Ведь существует бесконечное множество ленты Мёбиуса, бесконечное множество реальностей, параллельных миров, в которых мы согласно принципу Эверетта-Менского живём. Что же касается нарративной онтологии, то нарративная, понимаемая нами предельно широко в духе книги Ольги Фрейденберг «Образ и понятие» [7], отвечает на два фундаментальных для неё вопроса: что будет дальше и чем кончится? Что будет дальше с темой истины и чем кончатся наши рассуждения о новой модели реальности? Можно сказать так: всё всегда кончается одним и тем же – смертью. Нет! В параллельных мирах нет никакой смерти. Человек умирает в одном мире и рождается в другом. «Мы рождаемся и умираем каждую минуту» [6]. Что это значит? Что такое смерть? Это временное «прекращение мышления» (определение, данное А.М. Пятигорским). А что значит прекращение мышления по Биону? Это непретерпевание фрустрации [1]. Когда мы умираем, мы перестаём претерпевать фрустрацию в одном мире, но мы преодолеваем её в другом мире. В другом параллельном мире в тот момент, когда я умираю, кто-то рождается и начинает *думать*, мыслить, то есть жить. В этом и состоит сущность принципа «Мы рождаемся и умираем каждую минуту». Что касается принципа предопределённости, то есть принципа *всё сразу*, то он связан с идеей нерелевантности идеи истины и лжи очень простым образом. Когда есть всё сразу, то есть и истина и ложь. Мы что-то говорим, но мы говорим одновременно и истину и ложь. Но так не бывает. Вернее, так бывает в многозначных логиках, например в четырёхзначной логике фон Вригта. «Дождь то ли идет, то ли не идет» «Дождь и идёт, и не идёт». Что это значит? Это значит: что будет дальше и чем кончится? Дождь рано или поздно кончится, а что касается того, что будет дальше, то нам всегда предоставлен выбор (вернее, иллюзия выбора, потому что в соответствии с принципом Эверетта-Менского всё происходит симультанно и никакого выбора нет: в параллельных мирах мы идем одновременно направо и налево), брать зонтик или нет, гулять с мокрой головой, остаться дома и читать книжку и так далее. Наши возможности в этом смысле ограничены лишь нашей добро волей, которая тоже, конечно предопределена.

Список литературы:

1. Бион У. Внимание и интерпретация. СПб.: Алетейя, 2011.
2. Николл М. Цель. М.: СТАРКЛАЙТ, 2009.
3. Николл М. Новый человек. (URL: http://fourthway.narod.ru/lib/Morris/pritchi/1_2chapt.htm009)

4. Руднев В. Инициация-к-смерти: К пониманию Зеркала Тарковского // Slavic Almanac. 2013. Vol. 19. No 2.
5. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015.
6. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.
7. Руднев В. Новая модель бессознательного. М.: Гнозис, 2011.
8. Бион У. Заметки о теории мышления // Идеи У. Биона в современной психотерапевтической практике. М.: Российское психотерапевтическое общество, 2008.

References (transliteration):

1. Bion U. Vnimanie i interpretatsiya. SPb.: Aleteiya, 2011.
2. Nikoll M. Tsel'. M.: STARKLAIT, 2009.
3. Nikoll M. Novyi chelovek. (URL: http://fourthway.narod.ru/lib/Morris/pritchi/1_2chapt.htm009)
4. Rudnev V. Initsiatsiya-k-smerti: K ponimaniyu Zerkala Tarkovskogo // Slavic Almanac. 2013. Vol. 19. No 2.
5. Mamardashvili M.K. Psikhologicheskaya topologiya puti. M.: Fond Meraba Mamardashvili, 2015.
6. Freidenberg O.M. Mif i literatura drevnosti. M.: Nauka, 1978.
7. Rudnev V. Novaya model' bessoznatel'nogo. M.: Gnozis, 2011.
8. Bion U. Zаметки о теории мышления // Идеи У. Биона в современной психотерапевтической практике. М.: Российское психотерапевтическое общество, 2008.